

УДК 821.161.1 – 1.09:82.09

В.В. Щербина

СИНЕСТЕЗИЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ЮРГИСА БАЛТРУШАЙТИСА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ СИМВОЛИСТСКОЙ ПОЭЗИИ

Создавая возвышенную, необычную, внебытовую художественную систему, поэты-символисты стремились разгадать мир явлений не в его материальной данности, а в виде некой духовной идеи, находящейся за пределами чувственного восприятия. Особое, культовое отношение к языку, было способно, по их мнению, произвести мифотворческие преобразования в живой действительности. Концепция поэтического языка, предложенная символистами, имела целью восстановить его истинное «магическое предназначение». Для искусства начала XX века слово становится абсолютом, в пределах которого может произойти эстетическое соединение реальности и мечты. Поэты-символисты стремились обогатить слово, выйти за его видимые пределы, передать всю полноту мысли и чувства, выстраивая художественный мир не на логических, а на ассоциативных связях.

Характеризуя своеобразие индивидуальных стилей поэтов начала XX века, Н. Кожевникова отмечает: «Тенденция к абстрагированию во многом определяет своеобразие символизма, который не стремился к изображению мира в его конкретности, а искал универсальных закономерностей. Предмет символистов – не вещи, а идеи» [8, с. 8]. Абстрактно-образная лексика стала стихией поэтических раздумий авторов. Символисты обращались к ней как к источнику своей неутомимой работы над словом, пытаясь извлечь из каждого звука идею и живую фантазию. Освобождая слово от его словарного значения, «размывая его семантику», поэты-символисты особое внимание уделяли фонетической организации стиха и приемам словоупотребления, которые использовались как средство организации поэтического текста. Пытаясь передать в образе таинственную

© В.В. Щербина, 2017

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.843924>

музыку интуиций и чувств, символисты испытывали больше доверия к ирреальным, мистическим откровениям больше, чем к прямым откровениям ума. Мировоззренческие сдвиги рубежа веков отразились в эстетической программе символистов и повлекли за собой не только поиск новых художественных форм, но и средств создания самобытного поэтического мира. Опираясь на определенный круг жизненных и философских идей, русские поэты-символисты взяли многое от романтизма и модернизма Западной Европы. Стремясь соединить человека с миром, представители романтизма проповедовали идею слияния всех искусств, и средством его выражения должна была стать синестезия. В соединении разных видов искусств в единое целое прочитывалось стремление художественного сознания объединить прошлое и настоящее, придав этому единству мировоззренческие параметры. Принципы обновленной поэзии, пришедшей во Францию на смену холодной «Парнасской» школы, нашли отражение в эстетике русского символизма. Благодаря творчеству французского писателя и художника Т. Готье, синестезия в творчестве русских символистов превратилась в своеобразную эстетическую доктрину.

«Для символистов была важна не психология синестезии, а, то, что при этом разные чувства свидетельствуют не только и не просто о вещи, как бывает обычно, когда показания разных чувств, комбинируясь, порождают восприятие и представление о вещи, а как бы о чем-то, лежащем за пределами воспринимаемой вещи, – о ее сущности», – отмечает Ю. Степанов [10, с. 83].

Цель данного исследования – выявить особенности использования синестезии в творчестве Ю. Балтрушайтиса, обозначить сходство и различие в построении синестетических метафор в художественном мире поэзии Ю. Балтрушайтиса в их притяжении и отгаликивании с творчеством поэтов-символистов старшего и младшего поколения.

Ю. Балтрушайтиса всегда интересовала идея синтеза искусств. Считая искусство высшей правдой и единственно возможным путем познания, поэт верил в возрождающую силу творчества,

способную преодолеть трагизм земного бытия и просветлить хаос. Поэтический мир Ю. Балтрушайтиса наполнен размышлениями о жизни человека, о его месте в круговороте бытия. Все доступные поэту художественные средства были неизменно подчинены задаче наиболее полного раскрытия лирического содержания. Ю. Балтрушайтис последовательно обращается к одним и тем же темам и мотивам, которые варьируются на протяжении многих лет, переходя из одного стихотворения в другое. Повторяющиеся ведущие образы, излюбленные словосочетания, художественные приемы проходят сквозь все творчество поэта, но при этом не превращаются в стилистические штампы, а служат неотъемлемыми признаками поэтического почерка Ю. Балтрушайтиса. Так создается впечатление особенно тесной связи между его ранними и поздними стихотворениями. Характеризуя особенности художественного мира Ю. Балтрушайтиса, исследовательница В. Дауетите отмечает: «Жизнеспособность постоянных, непрерывно повторяющихся образов и символов обуславливается степенью их вращивания в художественную ткань стихотворения. Лирический рисунок отнюдь не застывшая картина, а постоянно возникающее и исчезающее видение» [6, с. 187].

По мнению исследовательницы, подвижность лирического рисунка стихотворения обеспечивается использованием метафоры. В художественном мире Ю. Балтрушайтиса конкретное, зримое, по мере развития лирического сюжета обрастает зыбкими, нереальными очертаниями. Слова с материальным значением часто превращаются в расплывчатые и бесплотные смысловые категории. Приближаясь к неведомому, поэт стремится размыть вещное в поэтическом образе, вывести его из сферы реальных связей и отношений и соотнести с некой идеальностью. Один из характерных приемов символистской поэзии – синестетическая метафора, основанная на сочетании межчувственных ассоциаций.

Т. Степанян в статье «Воздушной арфы легкий звон» [11] выделяет модели построения синестетической метафоры, наиболее характерные для поэтической речи. Рассмотрим примеры использования синестетической метафоры в стихотворениях

Ю. Балтрушайтиса, принадлежащих к раннему и позднему периодам творчества и определим модели, наиболее частотные в художественном мире поэта.

Мысль о человеке во вселенной является основной ситуацией в лирике Ю. Балтрушайтиса. Эмоциональный настрой стихотворения «Элегия» вызывает душевный отклик и сочувствие. Жизнь души лирического героя стихотворения раскрывается на фоне таинственного ночного пейзажа, когда человек особенно остро ощущает свое одиночество: «Бессильный трепет грез во мне, / Что лунный блеск в морской волне... / Порядок вещей дум моих, / Что звездный свет, печально тих...» (Элегия) [1, с. 94]. Образ «тихого света» придает поэтическому рисунку особую таинственность. Бестелесная ночная стихия страшна для человека, теряющегося во вселенском бытии. Соединение зрительных и звуковых ощущений подчеркивает мысль о том, что пропасть между человеком и миром гармонии непреодолима.

Модель *слух – зрение* поэт использует в стихотворении «В тревогах жизни, в час непрочный...». Небо и земля в их взаимосвязи увлекают лирического героя.

Идея непрерывного движения является композиционным центром стихотворения. По мнению поэта, истинное бытие – неустанное движение в пространстве и времени. Движение человеческого взора по вертикали символизирует движение человеческого сердца ввысь, к непостижимому миру гармонии. В стихотворении звучит тема долга художника, соотнесенная с мыслью о необходимости готовиться к творчеству. Поэт подчеркивает, что «Строгий Суд веков» не страшен тому, кто следует нравственному долгу. Образ *поющего света* соотносится с творческой устремленностью лирического героя: «И вечно-вечно свет поющий / Венчает тьму приявших прах – / Молись, душа, заре грядущей, / Забрезжившей в твоих глазах» («В тревогах жизни, в час непрочный...») [1, с. 186].

В поэзии К. Бальмонта цветковые прилагательные сочетаются с обозначением чувств, внутренних состояний. Синестетические метафоры во многом служили выражением поэтического подхода к миру. Перенос ощущений с одного на другое, по мнению многих

исследователей, был любимым художественным приемом К. Бальмонта. Образные вариации с использованием модели *слух – зрение* позволяют поэту любое переживание преобразовать в сверхчувственное, идеальное: «Твой смех прозвучал *серебристый*, / Нежней, чем *серебряный звон*, / Нежнее, чем ландыш душистый, / Когда он в другого влюблен» («Нежнее всего») [2, с. 92]. Повторяющаяся метафора воспроизводит впечатление слышимого звука и формирует основное лирическое настроение стихотворения. Осенний пейзаж в стихотворении К. Бальмонта «Сентябрь» по своей насыщенности напоминает живописное полотно. Поэт тонко различает краски, рисуя жизнь природы в момент ее осеннего преображения: «За утром преждевременно студеным / Июльский полдень в полдень сентября. / В лесах цветет древесная заря / *Рубиново-топазным презвоном*» («Сентябрь») [2, с. 386]. Лирический герой пытается осмыслить жизнь осенней природы, найти источник неизъяснимого очарования осени. Синестетическая метафора вплетается в структуру импрессионистического образа осени, влекущего поэта как загадка бытия.

Если художественное пространство поэзии К. Бальмонта наполнено яркими красками и насыщенными звуками, пейзаж в стихотворениях Ю. Балтрушайтиса растворяется в монохромной гамме. В картинах северной природы, созданных поэтом нет отчетливо выраженных красок, но поэт делает все, чтобы можно было в цвете представить описываемую картину. В стихотворении «Круг вековечный» поэт раскрывает душевные переживания лирического героя, размышляющего о непрочности и трагедийности земного бытия: «Ширит заря тревогу... / Зыбко искрясь в пыли ... / Тянется сердце к Богу / *С темным вздохом земли ...*» («Круг вековечный») [1, с. 106]. Лирический герой стремится угадать в природе мудрость, конечную оправданность событий. В природе все мерно и циклично возобновляется. Наступающее утро несет человеку новые тревоги. Образ земли, основанный на синестетической метафоре, пронизан глубоким эмоциональным отношением. В устремленности лирического героя к Богу запечатлен порыв к самосовершенствованию, потребность в идеале. Бог для человека – мудрый советник и лучший

наставник, мудрость Божья – это мудрость сочувствия, не отрицание противоречий земного бытия, но понимание их.

Синестетическая метафора в творчестве А. Блока расширяет художественное пространство стиха, увеличивает в его контексте видимость незримого. Поэт использует модель *слух – зрение* и в ранних стихотворениях, и в произведениях, относящихся к более позднему периоду. В поэтическом цикле А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» образы, основанные на межчувственных ассоциациях, являются символом устремленности в запредельный мир, верности прекрасной и нездешней мечте, очищающей и возвышающей душу лирического героя: «Души кипящий гнев смири, / Как я проклятую отвагу. / Остался *красный* зов зари / И верность голубому стягу» («Над этой осенью во всем...») [3, с. 291].

Белый цвет является продуктивным в творчестве многих поэтов-символистов, хотя их восприятие белого цвета и отношение к нему неоднозначно. Вбирая в себя все цвета, белый цвет приобретает универсальное значение и, переставая быть цветом, превращается в символ, в некое качество, например, характеризующее потусторонний мир. В художественном мире Ю. Балтрушайтиса можно выделить две модели построения синестетической метафоры – *слух – зрение* и *осязание – зрение*.

В стихотворении «Marcia Egoica», тема которого – ожидание прихода Мессии, перед нами предстает захватывающая картина снежной бури: «В снежной пустыне, средь лунных огней, / Белые всадники гонят коней... / Снежным туманом дымятся поля... / *Белым пожаром* объята земля!» [1, с. 90]. Перед читателем предстает Белый Витязь, сопровождаемый белой конницей ангелов, и грозный трубач, который звуками своего серебряного рога будит спящий мир и предупреждает о начале борьбы светлых и темных сил. Образ *белого пожара*, в котором реализуется модель *осязание – зрение*, придает тексту особенную цельность. *Белый пожар* охватывает все пространство, и скоро даже луна, которая казалась бледной в начале стихотворения, предстает перед нами темным пятном на ослепительном белом фоне.

В стихотворении Ю. Балтрушайтиса «Зимняя дорога» используется модель *слух – зрение*. Белый цвет отражает умудренность и успокоенность чувств. Поэт снова раскрывает перед нами широкие белые просторы, залитые спокойным лунным сиянием: «Вскрыла в даях Бога / И в груди людской / Белая дорога / Белый свой покой...» («Зимняя дорога») [1, с. 118]. Зимний пейзаж, созданный поэтом, наполняет душу не холодом, а духовным покоем, а излюбленный поэтом образ «белого зерна», которое является залогом продолжения жизни на Земле, прогоняет горькие мысли и внушает надежду на обретение радости и гармонии.

Тихо падающий снег и белая зимняя дорога вызывает в воображении читателя яркие картины пробуждающейся весенней природы: «Смутно и безбольно/ Снится даль весны / В веяньи раздольной / *Белой тишины*» («Зимняя дорога») [1, с. 119].

Н. Соколова справедливо отмечает, что в лирике А. Блока белый цвет также «часто олицетворяет потусторонность, нечто неземное, таинственное и вместе с тем величественное и всеильное» [9, с. 89]. Образ, основанный на синестетической метафоре в стихотворении А. Блока «Замерла береговая песня...», направляет основную тему стихотворения – ожидание мистической встречи: «Замерла береговая песня; / В стоне чайки – *белоснежный зов*. / В тишине – еще, еще чудесней / Дуновенья снежных облаков» («Замерла береговая песня...») [3, с. 507]. Синестезия сближает слова между собой, приводит их в своеобразное взаимодействие, обогащает добавочными смысловыми оттенками. Зрительный образ поддерживается и дополняется образом звуковым.

Иным видится образ *белого зова* в стихотворении В. Брюсова «Зимняя красота». Лирического героя не трогает величественная красота зимней природы. Он остается безучастен к *мерному шепоту* и *белому зову* зимних растений: «Но я не внимлю, не приемлю / Их мерный шепот, *белый зов*. / Люблю воскреснувшую землю / И кровь растоптанных цветов» («Зимняя красота») [4, с. 336]. Синестетическая метафора передает эмоциональное состояние лирического героя, для которого зима – время после смерти и до возрождения, когда

природа уже умерла, но еще не воскресла. Человеку зимняя природа представляется однообразной и лишеной внутренних порывов.

В стихотворении З. Гиппиус «Оно», отразившем противоречивые впечатления, вызванные событиями первой русской революции, синестетическая метафора подчеркивает тревогу и душевное бессилие лирической героини перед грядущими трагическими событиями: «*Ярко цокают копыта ... / Что там видно у моста? / Все затерто, все забыто, / В тайне жизни пустота*» («Оно») [5, с. 148]. Лирической героине будущее кажется зыбким и не прочным. Все происходящее растворяется в *ярком цокоте копыт*, символизирующем приход чего-то нового и разрушительного, чему еще нет определения. Образ, основанный на синестетической метафоре, предельно осязаемым и воспринимается всеми чувствами героини. Стихотворение звучит как взволнованный и стройный монолог, полный внутреннего напряжения и нервной силы.

Модель синестетической метафоры *зрение – осязание* также является частотной в художественном мире Ю. Балтрушайтиса. В стихотворении «Село Ильинское» образ, основанный на метафоре, придает повествованию особую глубину: «*И в темную обитель дрожи / Войдет, как пламя, отрок божий, / И будет ярко горяча / В руках невольничьих свеча*» («Село Ильинское») [1, с. 207]. Образ свечи, тихо и светло горящий в сумраке, побеждает страх и дарит надежду на спасение. Свеча – луч, уходящий в небо, тонкий, хрупкий и непобедимый, символ цельности и безграничности веры, которую поэт считал основой существования.

Лирический герой стихотворения Ю. Балтрушайтиса «Вновь, вновь зажегся в должный срок...» – философ природы, мудрец, осторожно всматривающийся в каждую травинку, стремящийся познать истину и открыть гармонию и красоту мира: «*В лазурном зное, в вихре гроз / Зеленый стебель к солнцу рос, / Луга и нивы зацвели – / Благословенны сны земли!*» («Вновь, вновь зажегся в должный срок...») [1, с. 248]. Пейзаж, созданный в стихотворении, отмечен мягкой тональностью. *Лазурный зной* наполняет пространство светом, растворяя чувства поэта в одухотворенной природе. Лазурный

зной – не только цвет ясного неба, но и символ лучшего, самого краткого и безвозвратно уходящего периода в жизни человека.

В основе лирического сюжета стихотворения «Весна не помнит осени дождливой...» лежит идея непрерывного движения. Жизненный путь человека начинается ярким весенним утром, которое дарит радость и надежду на счастье, вскоре утро сменяет знойный летний полдень, который несет покой и уверенность, но и этот период заканчивается, и на смену ему приходит осенний вечер – время горьких размышлений о жизни. Увядающая осенняя природа созвучна душевному состоянию лирического героя: «Что ей до бурь, до серого томленья, / До серых дум осенней *влажной тьмы*, / До белых вихрей пляшущей зимы?» («Весна не помнит осени дождливой...») [1, с. 261]. Размышления об осени для человека – способ познания себя. В данном поэтическом контексте звучит мысль о необратимости времени, о постоянном движении и вечном обновлении жизни. Синестетическая метафора усиливает ощущение одиночества и покинутости человека в земном мире, делает картину осенней природы реалистичной и почти физически ощутимой.

Вяч. Иванов использует модель *зрение – осязание* для создания весеннего пейзажа: «И ключья хмурых облак, тая, / Кропили пение луга. / Смеялась *влага золотая*, / Где млели бледные снега» («Весенняя оттепель») [7, с. 153]. Лирический герой стремится приобщиться к светлой, гармонически прекрасной природе, открывая сердце светлему весеннему миру. Объективное и субъективное сливается в ярком метафорическом образе весенней капли.

Модель *зрение – осязание* продуктивна и в поэзии К. Бальмонта. В стихотворении «Гимн Солнцу» К. Бальмонт рисует земной мир в единстве солнечной стихии, природы и человека, их существование взаимообусловлено, их единство может проявляться в разных сочетаниях: «Жизни податель, / Бог и создатель, / Страшный сжигающий свет! / Дай мне – на пире / Звуком быть в мире, – / Лучшего в мире / Счастья нет!» («Гимн Солнцу») [2, с. 162]. Поэт создает яркий, насыщенный красками и звуками образ, основанный на синестетической метафоре.

В стихотворениях Ю. Балтрушайтиса, относящихся к более позднему периоду творчества, используются более сложные модели метафоры, основанные на соединении нескольких ощущений. В стихотворении «Уже в долинах дрогнул трепет томный...» воспевается манящая красота познания мира. Образной доминантой стихотворения является весенняя природа, которая откликается на зов человека, стремящегося узнать жизнь широко вокруг: «Уже в долинах дрогнул трепет томный... / Как изумруд, сияет мурава... / И дольше день жидкительно-истомный, / И светлым зноем пышет синева...» («Уже в долинах дрогнул трепет томный...») [1, с. 260]. Синестезия сближает слова между собой, способствует их максимальному образному наполнению. Лирический герой ощущает себя в ритме всеобщей жизни, обретая ее полноту. Земной мир предстает в единстве человека и природы, их существование взаимообусловлено. Сложная синестетическая метафора, построенная по модели *зрение – осязание – осязание – зрение*, придает образу пробуждающейся весной природы масштабность и пластичность.

Модели *вкус – слух* и более сложная – *вкус – слух – зрение* реализуются в стихотворении Ю. Балтрушайтиса «Метель». Взвихренные снега, воющая метель завораживают человека. Лирический герой сливается со стихией, устремляясь в уготованную для него бездну: «Но *сладость* есть и в диком *вое* / Вдруг встрепенувшейся зимы, / Как *жутко-сладок шелест тьмы*, / И любо сердцу роковое» («Метель») [1, с. 219]. Человек целиком растворяется в снежной буре, он не противостоит ее воле, не страшится ее дикого нрава, но воспринимает ее как нечто желанное и неизбежное. Стихия позволяет человеку ощутить однократность и невозвратимость земного бытия. Образ снежной бури строится на сгущении ощущений и переживаний. В завывании вьюги слышится зов неземного мира, пробуждающий в человеке неизбывную тоску и вечную жажду перемен. В стихотворении звучит мысль о всесии стихии, о ее вечной власти над человеком.

Подведем некоторые итоги. Анализ поэтического творчества Ю. Балтрушайтиса показывает, что формирование большинства

символических образов в его творчестве обусловлено философско-эстетическими взглядами поэта. Восприятие мира как непрерывного процесса постоянного обновления и улучшения лежит в основе эстетики Балтрушайтиса. Метафора является наиболее частотным художественным средством в поэзии Ю. Балтрушайтиса. Параллели жизни человека и природы являются главным источником метафоры. Специфика поэтического взаимоотношения поэта с природой определила особенности метафоры в художественном мире Ю. Балтрушайтиса. Метафора, основанная на эффекте синестезии, не только придает поэтической речи музыкальный характер, сближает слова между собой, но и способствует их максимальному образному наполнению. Синестезийные образы направляют лирический сюжет, позволяя читателю не только оценить поэтическую атмосферу и музыкальность образного слова, но и почувствовать особое настроение поэта, его тягу к внутреннему созерцанию и простоте выражения.

Установлено, что в ранней поэзии Ю. Балтрушайтиса модель *слух – зрение* является наиболее распространенной формой построения синестетической метафоры. Более сложные модели метафоры характерны для более позднего периода творчества Ю. Балтрушайтиса. Раскрывая тончайшие оттенки художественного образа, Ю. Балтрушайтис подчиняет их главному направлению развития лирического сюжета. Все виды синестетической метафоры, которые использует поэт, участвуют в формировании основного лирического настроения его стихотворений. Образная система, своеобразный эмоциональный колорит, тематика поэтических произведений Балтрушайтиса находятся в постоянном равновесии со строгой художественной выразительностью, которая часто нейтрализуется четкой организованностью стихотворений.

Литература

1. Балтрушайтис Ю. Дерево в огне. Вильнюс: Vaga, 1983. 319 с.
2. Бальмонт К.Д. Избранное: Стихотворения; Переводы; Статьи. Москва: Худ. лит., 1980. 742 с.

3. Блок А. Собрание сочинений в 8 томах. Т.1. Москва, Ленинград: Гос. изд-во худ. лит., 1960. 715 с.
4. Брюсов В. Собрание сочинений в 7 томах. Т.1. Москва: Худ. лит., 1973. 672 с.
5. Гиппиус З. Н. Сочинения: Стихотворения; Проза. Ленинград: Худож. лит., 1991. 672 с.
6. Даугетите В. Юргис Балтрушайтис. Вильнюс: Vaga, 1983. 326 с.
7. Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. Ленинград: Советский писатель, 1978. 560 с.
8. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. Москва: Наука, 1986. 252 с.
9. Соколова Н.К. Слово в русской лирике XX века. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980. 159 с.
10. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве. Москва: Наука, 1985. 332 с.
11. Степанян Т.Р. «Воздушной арфы легкий звон». Русская речь. 1986. №1. С.56—61.

Анотація

В.В. Щербина. Синестезія як специфічна риса художнього світу Юргіса Балтрушайтиса у контексті російської символістської поезії

У статті розглядаються особливості використання синестетичної метафори у поетичному світі Юргіса Балтрушайтиса. Показано, що концепція мови, що обрали символісти мала за мету відновити її дійсне «магічне призначення». У мистецтві початку XX сторіччя поетичне слово мало об'єднати реальність та мрію. Поети-символісти багато уваги приділяли фонетичній організації віршу та засобам художньої виразності. Одним зі стилістичних засобів, поширених у символістській поезії, була синестетична метафора, яка будувалася на поєднанні різних відчуттів. Встановлено, що усі художні засоби у творчості Ю. Балтрушайтиса мають за мету повною мірою розкрити ліричний сюжет віршу. Розглянуто особливості використання синестетичної метафори у ранній поезії Ю. Балтрушайтиса та у творах, що належать до більш зрілого періоду творчості.

Проаналізовано структуру, функції та моделі побудови синестетичної метафори у творах Ю. Балтрушайтиса та інших поетів-символістів. Встановлено, що модель *слух – зір* є найбільш поширеною у художньому світі поета. Синестетична метафора є композиційним центром багатьох ранніх віршів Ю. Балтрушайтиса, присвячених проблемі трагічності земного

буття. Поет використовує метафори для позначення емоційного стану ліричного герою. Синестезія поєднує слова між собою та сприяє їх образному наповненню. Більш складні моделі метафори є типовими для віршів Ю. Балтрушайтиса, що належать до пізнього періоду творчості поета. Усі види синестетичної метафори, що використовує поет беруть участь у формуванні головного ліричного настрою його віршів.

Ключові слова: синестезія, синестетична метафора, лірика, символ, художній світ.

Анотація

В.В. Щербина. Синестезия как особенность художественного мира Юргиса Балтрушайтиса в контексте русской символистской поэзии

В статье рассматриваются особенности использования синестетической метафоры в поэтическом мире Юргиса Балтрушайтиса. Показано, что концепция поэтического языка, предложенная символистами, имела целью восстановить его истинное «магическое предназначение». В искусстве начала XX века слово должно было соединить реальность и мечту. Поэты-символисты особое внимание уделяли фонетической организации стиха и средствам художественной выразительности. Одним из стилистических приемов, распространенных в символистской поэзии, была синестетическая метафора, основанная на соединении разных ощущений. Установлено, что все художественные средства в творчестве Ю. Балтрушайтиса были неизменно подчинены задаче наиболее полного раскрытия лирического сюжета стихотворения. Рассмотрены особенности использования синестетической метафоры в ранней поэзии Ю. Балтрушайтиса и в стихотворениях, принадлежащих к более позднему периоду творчества.

Проанализированы структура, функции и модели построения синестетической метафоры в поэзии Ю. Балтрушайтиса и стихотворениях других поэтов-символистов. Установлено, что модель *слух – зрение* является наиболее частотной в художественном мире поэта. В стихотворениях Ю. Балтрушайтиса, посвященных проблеме трагедийности земного бытия, синестетическая метафора является композиционным центром. Поэт использует метафору для обозначения эмоционального состояния лирического героя. Синестезия объединяет слова и способствует их образному наполнению. Более сложные модели характерны для более позднего периода творчества Ю. Балтрушайтиса. Все виды синестетической метафоры, которые

использует поэт, участвуют в формировании основного лирического настроения его стихотворений.

Ключевые слова: синестезия, синестетическая метафора, лирика, символ, художественный мир.

Summary

V.V. Shcherbina. Synesthesia as a Peculiarity of Yurgis Baltrushaitis' Poetic World in the Context of Russian Symbolist Poetry

The specific use of synesthetic metaphor in Yurgis Baltrushaitis' poetic world is taken into consideration in the article. It is shown that the symbolists' language concept was aimed at restoring its "magic function". In the art of the XX century the word was to unite reality and dream. Symbolists paid special attention to phonetic organization and expressive means of the language. Synesthetic metaphor, based upon combining several senses, was one of the widely spread expressive means in symbolists' poetry. It is proved that all the expressive means in Yurgis Baltrushaitis' poetry were used to reveal the lyrical plot of a verse in the most detailed way. The peculiarities of synesthetic metaphors use are analyzed in early poet's verses and in his later works.

The structure, functions and patterns synesthetic metaphors are built by are taken into consideration in Yurgis Baltrushaitis' poems and in creative works of other symbolists. It is shown that pattern *hearing – sight* is the most typical in Yurgis Baltrushaitis' poetry. In Yurgis Baltrushaitis' poems devoted to the problem of tragic character of man's earth being synesthetic metaphor is the composite center. The poet uses metaphor to describe lyrical character's emotional state. Synesthesia unites words and contributes to their figurative filling. More complicated patterns of synesthetic metaphors are characteristic of later Yurgis Baltrushaitis' poems. All the patterns of synesthetic metaphors are used to form the main lyrical mood of his poems.

Key words: synesthesia, synesthetic metaphor, lyrics, symbol, poetic world.

Інформація про автора

Щербина Вікторія Володимирівна – ORCID: 0000-0002-2717-3855; кандидат філологічних наук, доцент кафедри філології, перекладу та мовної комунікації Харківської Національної академії Національної гвардії України; пл. Повстання, 3, м. Харків, 61001, Україна